

Воспоминанія.

Вредлагаемыя воспоминанія о первыхъ шагахъ службы моего отца и годахъ пребыванія его въ административной ссылкѣ въ Вологодской губерніи записаны мною со словъ моей матери и, мнѣ кажется, не лишены общественнаго интереса, такъ какъ въ нихъ рисуются нравы того времени и описывается знакомство съ Шелгуновымъ и его семействомъ.

Мой отецъ Альфонсъ Францовичъ Коссовскій, окончивши курсъ юридическихъ наукъ въ Кіевскомъ университетѣ въ 1862 г., 21 года отъ роду, получилъ мѣсто судебного слѣдователя въ г. Ростовѣ-на-Дону, мѣсто, котораго многіе добивались, такъ какъ городъ былъ богатый, а въ доброе старое время это играло не послѣднюю роль.

Прибывъ къ мѣсту служенія, отецъ мой энергично принялся за дѣло, не разбирая ни состояній, ни сословій.

На первыхъ порахъ своей служебной дѣятельности онъ наткнулся на рядъ возмутительныхъ вещей. Такъ, напримѣръ, бывший въ то время городскимъ головой нѣкто Б. способствовалъ одному лицу сдѣлать подложное завѣщаніе. Этотъ подлогъ былъ обнаруженъ, и дѣлу данъ законный ходъ. Производство дознанія поручено было моему отцу.

И вотъ, когда этотъ городской голова, игравшій значительную роль въ городѣ, помимо занимаемой должности еще и благодаря связямъ и богатству, въ одинъ грустный для него день, получилъ изъ камеры судебного слѣдователя повѣстку съ приглашеніемъ явиться туда для допроса, то страшно этимъ возмутился и въ

письмѣ къ отцу выразилъ удивленіе, что какой-то слѣдователь осмѣливается требовать его къ допросу, тогда какъ къ нему, городскому головѣ, являются по дѣламъ службы даже городничій и исправникъ и стоятъ передъ нимъ на вытяжку.

Надо тутъ сказать, что въ описываемую эпоху, должность судебного слѣдователя была только что учреждена, и многіе не знали, какими правами пользуется судебный слѣдователь и какую степень занимаетъ эта должность на лѣстницѣ прочихъ судебныхъ и административныхъ должностей.

Изливъ свое негодованіе въ письмѣ, довольный урокомъ, даннымъ юному слѣдователю, городской голова и не подумалъ явиться въ указанный ему день и часъ въ камеру для допроса, послѣ чего ему была послана вторичная повѣстка съ предупрежденіемъ, что въ случаѣ неявки и по этой повѣсткѣ, онъ будетъ приведенъ подѣ конвоемъ, а такъ какъ онъ и послѣ этого не прибылъ, то и былъ доставленъ въ камеру моего отца подѣ конвоемъ.

Здѣсь онъ въ негодованіи обратился къ отцу:

— Какъ, вы, молодой человекъ, рѣшились меня, уважаемаго всѣмъ городомъ голову, привести подѣ конвоемъ.

— Простите, возразилъ отецъ, я для васъ не молодой человекъ, а судебный слѣдователь, а вы подсудимый, съ васъ я долженъ снять показаніе, для чего и принужденъ былъ, въ виду вашего нежеланія явиться добровольно, привести васъ подѣ конвоемъ.

Снявши съ злополучнаго городского головы и свидѣтелей допросъ, отецъ перваго отправилъ въ заключеніе, такъ какъ за совершенное преступленіе ему грозило лишеніе правъ и ссылка въ Сибирь.

Этотъ небывалый случай въ лѣтописяхъ города взволновалъ весь Ростовъ. Конечно сейчасъ же не дремавшіе друзья и пріятели Б. забили тревогу. Приняты были всѣ мѣры и способы, чтобы добыть свободу городскому головѣ. Но, не добившись положительныхъ результатовъ, эти господа предложили отцу крупную сумму, только бы онъ выпустилъ Б. на поруки.

Конечно такое предложеніе было съ негодованіемъ отвергнуто, но черезъ нѣсколько дней отецъ все-таки отпустилъ Б. на поруки въ виду его болѣзни. Отношенія между отцомъ и приверженцами Б. на столько обострились, что послѣдніе угрожали даже убить отца, что съ предмѣстникомъ его, который тоже не пришелся ко двору, и было сдѣлано. Отцу пришлось просить о переводѣ. Къ его счастью оказалась свободной вакансія въ Новомосковскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ., куда его и перевели.

На новомъ мѣстѣ служенія, своей независимостью и неподкупностью отецъ въ скоромъ времени нажилъ тоже не мало враговъ.

Служебная дѣятельность его началась вскорѣ послѣ уничтоженія крѣпостного права. Помѣщики, пропитанные еще духомъ крѣпостничества, непривыкшіе къ новому своему положенію, при всякихъ столкновеніяхъ съ крестьянами хотѣли быть правыми, въ томъ смыслѣ, чтобы всякій споръ, всякая тяжба, кончались въ ихъ пользу, а не крестьянъ, а такъ какъ у отца постоянно встрѣчались въ производствѣ подобнаго рода дѣла и велись они съ полнымъ безпристрастіемъ, то частенько и выходило такъ, что дѣло рѣшалось не въ пользу помѣщика.

Однажды отца вызвали въ уѣздъ, для производства слѣдствія по поводу обнаруженнаго мертваго тѣла.

Отецъ собрался уже ѣхать, какъ привели подъ конвоемъ въ кандалахъ крестьянина. Отложить поѣздку нельзя было, почему отецъ распорядился, впредь до своего возвращенія, отправить приведеннаго крестьянина въ тюрьму.

Вернувшись изъ уѣзда, онъ сейчасъ же распорядился о приводѣ арестанта и началъ допросъ. Что же оказалось?

Этотъ крестьянинъ былъ крѣпостнымъ кузнецомъ помѣщика, жандармскаго полковника Р., который хотѣлъ его оставить у себя на службѣ и послѣ уничтоженія крѣпостного права, но на невыгодныхъ для кузнеца условіяхъ, почему тотъ и отказался отъ чести служить у своего прежняго господина.

Этотъ дерзкій отказъ недавняго раба возмутилъ Р., который рѣшилъ ему отомстить.

Черезъ нѣсколько времени кто-то пустилъ слухъ, что будто бы этотъ кузнецъ убилъ коробейника, проходившаго черезъ имѣніе Р., но кромѣ этого слуха, никакихъ уликъ противъ кузнеца не было.

Никто не заявлялъ о пропажѣ коробейника, и нигдѣ никакого трупа найдено не было.

Причиной же пущеннаго слуха послужило слѣдующее:

Однажды, во время отсутствія кузнеца изъ дому, пришелъ къ нему сосѣдъ по какому-то дѣлу и, въ ожиданіи хозяина, прилегъ на скамью. Хозяйскія дѣти, мальчики 4 и 5-ти лѣтъ, играя, шумѣли и мѣшали ему заснуть. Когда этотъ сосѣдъ, желая ихъ усмирить, сказалъ, что если они будутъ шалить, такъ онъ ихъ зарѣжетъ, на что бѣдовыя мальчишки отвѣчали:

— А нашъ батько тебя тоже зарижитъ.

— А хйба вашъ батько кого вже заризавъ?—спросилъ сосѣдъ.

— Эге-жъ, заризавъ коробошника.

— А гдѣ жъ онъ поховалъ его?

— А въ ричку бросилъ, — нисколько не смущаясь, отвѣчали мальчики.

— А товаръ?—

— Товаръ мамка поховала у скрыню, а коробку у печи спалила.

Выйдя отъ кузнеца, сосѣдъ о своемъ разговорѣ съ ребятами разсказалъ односельчанамъ. Слухъ дошелъ до Р., который, обрадовавшись случаю напакоститъ кузнецу, сейчасъ же вызвалъ станового и исправника, которые составили протоколъ о происшедшемъ.

Допрашивали только однихъ дѣтей кузнеца, какъ единственныхъ свидѣтелей, при чемъ призвали священника увѣщевать ихъ говорить правду, обѣщали дать пряниковъ и выпустить отца на свободу, если они еще разъ разскажутъ, какъ ихъ отецъ убивалъ коробейника. Дѣти опять повторили то же, что сказали сосѣду своего отца.

И вотъ, на основаніи этихъ дѣтскихъ показаній, кузнеца заковали въ кандалы и прислали къ моему отцу. Выяснивъ, въ чемъ дѣло, отецъ отослалъ кузнеца снова въ тюрьму, а самъ отправился на мѣсто предполагаемаго преступленія.

Виновность кузнеца никто не подтвердилъ. Вся деревня, какъ одинъ человекъ, дала о кузнецѣ самые лучшіе отзывы.

Мертваго тѣла не обнаружено, но, несмотря на это, жандармъ-помѣщикъ настаивалъ на преданіи кузнеца суду, такъ какъ по его словамъ не „сомнѣвается въ его виновности“.

За отсутствіемъ уликъ, злополучнаго кузнеца отецъ освободилъ, чѣмъ, конечно, приобрѣлъ въ лицѣ полковника Р. новаго недоброжелателя.

Другое дѣло было такого рода:

Умеръ одинъ помѣщикъ, послѣ котораго остались малолѣтніе сынъ и дочь съ психически разстроенной матерью.

Дѣти были приняты на воспитаніе въ казенныя учебныя заведенія, и пока они тамъ воспитывались, ихъ опекунъ и предводитель дворянства генералъ Г., подъ опекой котораго тоже находились дѣти, какъ дворянскія, продали ихъ имѣніе, и когда сынъ, выйдя въ офицеры, возвратился домой, то ни имѣнія, ни денегъ, вырученныхъ отъ продажи такового, не оказалось.

На вопросъ, гдѣ же деньги? ему отвѣтили „опекатели“, что деньги израсходованы на его и его сестры воспитаніе.

Зная, что они воспитывались на казенный счетъ и тратить, слѣдовательно, на ихъ воспитаніе цѣлаго состоянія не было надобности, молодой офицеръ возбудилъ дѣло.

Для выясненія этого дѣла, назначили комиссію подъ предѣтельствомъ моего отца, а членами въ нее вошли: предводитель дворянства Г., исправникъ и его помощникъ. Въ день открытія засѣданія, отецъ замѣшкался, явился въ комиссію послѣднимъ

и засталъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ Г., открывшаго уже засѣданіе. Отецъ потребовалъ отъ него уступить ему предсѣдательское кресло, составилъ протоколъ объ удаленіи изъ состава комиссіи генерала Г., какъ лицо заинтересованное въ дѣлѣ, разбираемомъ этой комиссіей, и предложилъ протоколъ подписать прочимъ членамъ, но ни одинъ изъ нихъ этого не рѣшился сдѣлать, дабы не возстановить противъ себя генерала. Тогда отецъ, единолично подписавшись, объявилъ засѣданіе закрытымъ и отправилъ протоколъ губернатору, прося назначить новаго члена комиссіи, взамѣнъ предводителя.

Предсѣдательствовать въ новой комиссіи моему отцу больше не пришлось, такъ какъ онъ, до назначенія ея, былъ административно сосланъ въ мѣста не столь отдаленныя подъ надзоръ полиціи, обвиненный въ политической неблагонадежности.

Родители мои были очень поражены этимъ обстоятельствомъ и не могли никакъ догадаться, что послужило поводомъ къ такому обвиненію моего отца, который за собой никакой вины, въ этомъ отношеніи, не чувствовалъ.

Спустя много времени это объяснилось такъ:

Такъ какъ описываемыя событія происходили въ 60-хъ годахъ, во время польскаго возстанія, то, конечно, не трудно было недоброжелателямъ моего отца возвести на него, какъ на поляка и католика, какое-либо преступленіе на политической подкладкѣ.

И вотъ что придумали:

Изъ Новомосковска, гдѣ служилъ отецъ, была послана телеграмма на имя врачебнаго инспектора, тоже поляка, отъ имени „Народоваго Жонда“ съ требованіемъ 3.000 рублей. Инспекторъ заявилъ объ этомъ полиціи, началось разслѣдованіе, и когда запросили предводителя дворянства Г., не подозрѣваетъ ли онъ кого-нибудь, то тотъ указалъ на моего отца, въ увѣренности, что такимъ образомъ дѣйствія ему удастся избавиться отъ нежелательнаго для него человѣка.

Г. не ошибся въ своихъ расчетахъ: 20-го января 1864 г., когда отецъ и мать гостили у родителей моего отца въ деревнѣ, явились туда исправникъ, становой и два жандарма, арестовали и увезли моего отца, увѣривъ мать и его родителей, что его требуютъ въ губернской городъ, для дачи какого-то показанія, послѣ чего его сейчасъ же отпустить. Но прошла недѣля, другая, а объ отцѣ ни слуху, ни духу.

Въ мучительной неизвѣстности, что съ нимъ, гдѣ онъ, бѣдная мать пробыла болѣе 6-ти недѣль. Наконецъ дѣдъ мой получилъ

анонимное письмо, въ которомъ неизвѣстный авторъ сообщалъ, что отецъ благополучно доставленъ въ Симбирскъ и шлетъ поклонъ.

До полученія этого письма услужливыя кумушки бѣгали чуть не каждый день и передавали всякіе невозможные слухи, въ родѣ того, напримѣръ, что отца уже разстрѣляли въ Харьковѣ, или гдѣ-то повѣсили и т. д. На возраженіе же имъ, что эти слухи вздоръ, такъ какъ ни разстрѣливать, ни вѣшать отца не за что, потому что онъ не совершилъ ничего преступнаго, онѣ говорили, что были случаи, когда казнили по ошибкѣ невинныхъ, а потомъ родныхъ, въ утѣшеніе, награждали.

Послѣ долгихъ дней душевныхъ терзаній, получило наконецъ отъ отца письмо, въ которомъ онъ описывалъ свое невольное путешествіе и пріѣздъ въ Симбирскъ, по прибытіи куда его представили губернатору, который его очень любезно принялъ и спросилъ, за что отецъ сосланъ.

Но это отецъ отвѣчалъ, что онъ самъ хотѣлъ спросить объ этомъ у губернатора. Губернаторъ распечаталъ представленный ему жандармами пакетъ и сказалъ отцу, что онъ сосланъ за политическую неблагонадежность.

Въ Симбирскѣ отецъ устроился въ компаніи съ нѣсколькими другими ссыльными, съ которыми онъ здѣсь познакомился.

Каждому изъ нихъ полагалось казеннаго содержанія 6-ть рублей въ мѣсяць, на которые, при тогдашней дешевизнѣ продуктовъ, можно было кое-какъ существовать.

Отецъ еженедѣльно писалъ матери и убѣждалъ пріѣхать къ нему, но здоровье ея настолько разшаталось отъ перенесенныхъ потрясеній, что, несмотря на горячее желаніе, она не могла пуститься въ путь за 4.000 верстъ, при тогдашнемъ отсутствіи желѣзныхъ дорогъ. Кромѣ того и средствъ на дорогу не было.

Пришлось, пока что, ждать у моря погоды и утѣшаться надеждой, что можетъ быть, по случаю предполагаемаго бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, будетъ скоро манифестъ, по которому могутъ помиловать административно ссыльныхъ. Но надежда эта скоро, со смертью Августѣйшаго жениха, рушилась. Въ довершеніе бѣды, мать перестала вдругъ получать отъ отца письма. Сколько она ему ни писала, отвѣта не было. Изъ газетъ же стало извѣстнымъ, что какъ разъ въ этотъ періодъ прекращенія переписки, въ Симбирскѣ былъ сильный пожаръ, городъ былъ подоженъ со всѣхъ сторонъ и что, подозрѣвая въ поджогѣ, почему-то, ссыльныхъ поляковъ, разъяренная толпа одного изъ нихъ разорвала на куски.

Прочитавъ это извѣстіе и вообразивъ себѣ, что эта ужасная

участь постигла моего отца, мать заболѣла нервной горячкой. Къ счастью во время ея болѣзни получило наконецъ отъ отца письмо, но не изъ Симбирска, а изъ Вологды. Небезъинтересно здѣсь указать на любопытное совпаденіе:

За нѣсколько дней до полученія этого письма, матери моей приснилось, что она получаетъ письмо, на конвертѣ котораго она прочла отчетливо на штемцелѣ „Вологда“. Это совпаденіе тѣмъ болѣе удивительно, что у нея не было никакого повода предполагать, что отецъ можетъ попасть въ Вологду, куда онъ попалъ, дѣйствительно, случайно.

Въ присланномъ письмѣ отецъ сообщалъ слѣдующее:

Какъ извѣстно, вся переписка, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, должна была проходить черезъ цензуру исправника. Исправникъ же того уѣзда, въ которомъ находился мой отецъ, не только читалъ самъ его корреспонденцію, но и давалъ прочесть своимъ пріятелямъ тѣ изъ писемъ отца, которыя находилъ, почему-либо, представляющими для тѣхъ интересъ.

Возмущенный такимъ образомъ дѣйствіа исправника, отецъ потребовалъ отъ него объясненій и заявилъ, что будетъ на него жаловаться. На это исправникъ сказалъ:

— Жаловаться вы, конечно, можете, но врядъ ли кто-нибудь обратитъ вниманіе на жалобу какой-то ссыльной дряни.

Едва исправникъ успѣлъ сказать это, какъ покотился подъ столъ отъ сильнаго удара по фізіономіи, нанесеннаго ему моимъ отцомъ.

Этотъ инцидентъ повлекъ за собою немедленное арестованіе отца.

Въ это время въ Симбирскѣ пребывалъ флигель-адъютантъ баронъ В., производившій слѣдствіе о причинахъ Симбирскаго пожара. Когда ему доложили о происшедшемъ, онъ потребовалъ къ себѣ отца и спросилъ его:

— Развѣ допускается въ благоустроенномъ государствѣ говорить начальству дерзости?

На это отецъ отвѣтилъ, что не онъ говорилъ дерзости начальству, а оно его оскорбило, и онъ только вступился за свою честь и нанесъ пощечину оскорбителю.

Баронъ В. былъ очень удивленъ такимъ откровеннымъ объясненіемъ моего отца и, замѣтивъ, что исправникъ о нанесенномъ ему оскорбленіи скромно умолчалъ, рекомендовалъ ему не взводить на себя преступленіе, за которое можно сильно пострадать. Несмотря на такое предупрежденіе, отецъ продолжалъ настаивать

на своемъ заявленіи. Тогда его арестовали при полицейскомъ управленіи.

Черезъ нѣсколько часовъ непривѣтливая камера, въ которую былъ заключенъ мой отецъ, обратилась въ уютный будуаръ, прекрасно меблированный и украшенный цвѣтами и коврами. Все это было устроено Симбирскимъ обществомъ, въ которомъ отецъ былъ очень хорошо принятъ.

Такъ какъ посѣтители къ нему допускались свободно, то его постоянно навѣщали добрые знакомые и развлекали.

Черезъ нѣсколько дней отецъ телеграфировалъ о случившемся въ Ш-е отдѣленіе, и его приказано было немедленно освободить.

Послѣдствіемъ этой исторіи былъ переводъ отца въ г. Яренскъ Вологодской губерніи.

Вотъ эта-то исторія и была причиной долгаго молчанія его, т. к. ему не хотѣлось подвергать цензурѣ цѣлой компаніи свою корреспонденцію.

Оправившись отъ болѣзни, мать моя задалась цѣлью заработать и скопить денегъ на дорогу. Ей удалось достать урокъ у своихъ хорошихъ знакомыхъ и собрать въ теченіе года нужную сумму на дорогу, которую надо было совершить на лошадяхъ, такъ какъ желѣзная дорога существовала тогда только Николаевская.

Мѣстный губернаторъ принялъ участіе въ матери и посоветовалъ ей ѣхать въ обществѣ офицера, командируемаго въ Ораніенбаумъ съ партіей солдатъ.

Мать съ радостью воспользовалась этимъ предложеніемъ, такъ какъ ей хотѣлось предварительно побывать въ Петербургѣ и похлопотать, если не объ освобожденіи, то хоть о переводѣ куда-нибудь поближе отца.

Попутчикъ офицеръ оказался прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, всячески хлопотавшимъ объ удобствахъ матери въ пути.

Они отправились въ собственномъ экипажѣ моей матери, нанявъ лошадей подъ него, и благополучно добрались къ мѣсту назначенія.

Въ Петербургѣ матери удалось выхлопотать переводъ отцу въ г. Кадниковъ, всего въ 45 в. отъ Вологды. Сообщивъ объ этомъ ему, она отправилась туда же. Въ Кадниковѣ матери моей пришлось ждать прибытія отца еще мѣсяца полтора. Здѣсь нашлись добрые люди, которые приняли въ ней участіе и помогли кое-какъ устроиться до пріѣзда отца. Наконецъ пріѣхалъ и онъ.

Вскорѣ у нихъ завязались знакомства съ мѣстной интеллигенціей, нашлись уроки, благодаря которымъ родители мои не испытывали острой нужды.

Среди добрыхъ людей, каковыми оказались Кадниковскіе жители, имъ жилось хорошо и даже весело.

Здѣсь же они познакомились и съ Николаемъ Васильевичемъ Шелгуновымъ и его семействомъ. По словамъ матери, дни знакомства съ Шелгуновымъ лучшіе въ ихъ жизни.

Несмотря на непредставительную наружность, этотъ человѣкъ очаровывалъ каждого, кто имѣлъ удовольствіе побесѣдовать съ нимъ часть, другой.

Въ немъ поражала его удивительная способность вести съ кѣмъ бы то ни было бесѣду такъ, что она была всегда полна интереса и глубокаго содержанія, какъ для слушателей, такъ и для его собесѣдника, не взирая на то, кѣмъ онъ былъ: интеллигентный ли человѣкъ, или простой крестьянинъ, дама или деревенская баба.

Съ прибытіемъ Шелгуновыхъ, и матеріальное положеніе моихъ родныхъ улучшилось, такъ какъ Николай Васильевичъ предложилъ моей матери давать уроки его старшему сыну, а отецъ писалъ подъ диктовку его сочиненія и переводы его жены.

Вечеръ они проводили, обыкновенно, вмѣстѣ. Николай Васильевичъ читалъ что-нибудь вслухъ, или аккомпанировалъ на корнетѣ своей женѣ, которая играла на рояли.

Мнѣ мой покойный отецъ разсказалъ, когда-то, слѣдующій комичный эпизодъ:

Какъ-то Николай Васильевичъ заявилъ, что ему слѣдуетъ постричься, такъ какъ у него сильно отросли волоса. Мой отецъ, который никогда не выступалъ въ роли парикмахера, вполнѣ увѣренный въ легкости этого дѣла, предложилъ Николаю Васильевичу свои услуги. Шелгуновъ доверчиво вручилъ свою голову искусству отца, и послѣдній отважно принялся его стричь и такъ остригъ, къ своему полному смущенію, что когда добродушнѣйшій Николай Васильевичъ взглянулъ на себя, послѣ стрижки, въ зеркало, то только и могъ сказать отцу:

— Ну, это, знаете, Альфонсъ Францовичъ, съ вашей стороны, можно сказать, даже недобросовѣстно!

Черезъ два года Шелгунова перевели, по его просьбѣ, въ Вологду, и родители мои должны были съ ними разстаться, что было для нихъ большимъ лишеніемъ.

Но разлука эта не была продолжительна, такъ какъ отецъ тоже исхлопоталъ себѣ, въ скоромъ времени, переводъ въ Вологду, гдѣ родители мои снова зажили въ тѣсной дружбѣ съ Шелгуновыми вплоть до 1871-го года, когда отца моего освободили изъ подъ надзора полиціи и онъ уѣхалъ на родину, а Шелгуновъ выѣхалъ въ Тверь.

А. Коссовскій.

